

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(420).03+94(420).04

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.147-160

КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО АНГЛИИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИЙ ЧУМЫ XIV – XV ВЕКОВ

Т.А. Леонова, И.А. Шутелева

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа, 450000, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрена общественная роль католической церкви и духовенства Англии в период эпидемий чумы Позднего Средневековья. Представлены лидирующие точки зрения современной медиевистики в оценке феномена и последствий чумных эпидемий в Европе. Отмечено, что наименее изученная социальная сфера этого периода – население приходов Англии, включая приходское духовенство, а также, что восприятие современниками событий эпидемии обуславливала система символов, обозначавших неизбежность катастрофы природы и общества. На основе междисциплинарного подхода исследовано влияние представлений о «чужом» в ликвидации иностранных монастырей. Показано, что в высших эшелонах церковной власти категорически отрицались астрологические объяснения причин возникновения чумы, утверждался этический контекст постигших Англию бедствий. Отсюда проистекали предпринимаемые церковью попытки морального оздоровления общества как главной меры противодействия чуме. Сделан вывод о значительном распространении благотворительности среди населения, поощряемого церковью через систему индульгенций. Значительные потери в результате эпидемии мирского населения привели к сокращению в Англии приходов не менее чем на 500 единиц к концу Средневековья.

Ключевые слова: средневековая Англия, эпидемия чумы, католическая церковь, английское духовенство, приходы, миряне, благочестие, благотворительность

Введение

Два столетия (XIV – XV вв.) истории средневековой Европы прошли под знаком чумной эпидемии. Представления о ее тотальном характере нашло отражение в названии «Великий мор», которое дали эпидемии уже современники, а ее первую волну впоследствии стали называть «Черная смерть». Пандемии чумы сделали ее привычным, хотя и страшным спутником человека в земной жизни. Архиепископ Йоркский Уильям Зуч (1342–1352) в своем послании духовенству Провинции от 28 июля 1348 г. писал: «Поскольку жизнь человека на земле – это война, то не удивительно, что сражающихся среди невзгод этого мира тревожит изменчивость событий: ныне благоприятных, потом напротив»¹ (H.BD, p. 111). В период второй волны эпидемии его слова повторил архиепископ Йоркский Джон Форсби (1353–1373 гг.) в обращении к духовенству от 12 июля 1361 г.,

¹ Здесь и далее перевод на русский язык наш. – Т.Л., И.Ш.

связав в единый узел эпидемию, Столетнюю войну и другие бедствия Англии, которые, как он считал, будут повторяться и в будущем грешного человечества (H.BD, p. 119).

Пророчество У. Зуча сбылось не только в плане повторяющихся битв с эпидемиями, но и в плане отношения к ним католической церкви. Наше исследование посвящено выявлению широкого спектра проблем, возникших перед обществом с началом эпидемии, и участию английского духовенства в их решении в период «Великого мора» второй половины XIV – начала XV в.

Исследования и оценка глобальных последствий эпидемий чумы в средневековье по настоящее время неоднозначны: от абсолютизации ее катастрофических последствий, получивших громкие наименования «аграрного кризиса», «кризиса XIV – XV вв.», до почти полного игнорирования возможного влияния эпидемии на социум [1, с. 180–181; 2; 3, p. 17–21]. Выдвигаются спорные предположения, которые обосновываются недостаточностью точных документальных свидетельств демографических перемен в эпоху пандемии второй половины XIV в., о том, что многие последствия чумы являются «гуманными мифами» о катастрофе общества. Напротив, как утверждал американский историк Н. Кантор, не все последствия были ужасны, в сфере культуры некоторые из них дали благоприятные результаты [4, p. 153].

Современные исследователи считают, что в Западной Европе за период с 1347 по 1534 г. произошло 17 масштабных эпидемий чумы с периодичностью в среднем каждые 11–12 лет [5, с. 109]. С особым вниманием изучаются последствия самого губительного для населения Европы двадцатипятилетия с 1350 по 1375 г., о котором сохранились отрывочные сведения [6, p. 230; 7, p. 239]. Основываясь на английских манориальных данных о держателях земли, списках вакантных бенефициев по смерти священников, медиевисты регистрируют разный уровень смертности по регионам и по приходам Англии. Так, Л. Пуз указывает, что в некоторых поселениях уровень заболевания был невысоким, но в отдельных местностях смертность превосходила 50% от общей численности населения. В целом, в первую волну колебания смертности по регионам составляли от 25 до 40% [6, p. 228]. Как считают медиевисты, смертность периода «Великого мора» была самой высокой в истории эпидемий чумы. Более поздние чумные эпидемии XVI – XVII вв. носили преимущественно локальный характер с низкой активностью распространения и получили в исследованиях названия «локальных кризисов» асинхронного характера в пределах больших территорий [6, p. 231].

Наиболее дискутируемыми остаются проблемы установления вида чумы, поразившей все население средневековой Евразии, и поиски ее прародины [8]. Историко-географическим анахронизмом предстает ассоциация «Черной смерти» с патогенами исключительно бубонной чумы восточноазиатского происхождения [9]. Наиболее смертоносным видом в этот период была септическая (геморрагическая) чума, истоки которой эпидемиология связывает с Эфиопией [10, p. 315].

Тема эпидемической ситуации глазами ее современников в исторических исследованиях, с одной стороны, выступает обобщенно как панический страх и растерянность перед болезнью, предпринимавшиеся попытки лечения которой с точки зрения современного уровня развития медицины были бессмысленными и бесполезными. С другой стороны, выдвигается предположение о том, что если

источники не фиксируют приступов религиозной истерии, то пандемия 1347–1352 гг., хотя и унесла много жизней, но «явно не половину и даже не треть населения» [11, с. 20]. Эмоциональный мир современников эпохи «Черной смерти», таким образом, остается фрагментарно изученной проблемой. Ее решение затруднено недостаточно разработанной источниковой базой как документального материала, так и сравнительно недавно начавшихся археологических исследований Позднего Средневековья, в том числе периода пандемии чумы.

Использованные в нашем исследовании источники содержат сведения о реакции властных структур государства и католической церкви Англии. Они достаточно многочисленны, но однотипны по мерам их воздействия на духовенство (CM, RP, SR). Немногочисленны документы, раскрывающие повседневную деятельность приходов и духовенства XIV в. Практика приходского делопроизводства и регистрации основных событий жизни приходов и прихожан в Англии стала нормой лишь с введением института приходских старост к концу XV в. Только с XVI в. в правление Елизаветы I в приходских записях появились пометки “P” или “Pest”, что значительно облегчает современные исследования списков погребенных [10, р. 317]. Массовым источником истории духовенства Англии являются «Церковные оценки» собственности английской церкви: «Таксация папы Николая IV» (1291 г.) и «Церковная оценка» XVI в., а также частично опубликованные «Счета папских сборщиков налогов», действовавших в Англии на протяжении XIV в. (ARPC). В них содержатся косвенные данные о движении и изменении состава английского духовенства, демографическая история которого пока не написана [12; 13]. Использованные нами фрагменты хроник, проповедей и посланий духовенства содержат ценный материал, свидетельствующий об эмоциональном мире современников чумы (H.BD, STB).

Ожидания и пришествие чумы

Большое значение для понимания восприятия эпидемии ее современниками имеют предшествовавшие и сопровождавшие чуму события и видения, которые считались вестниками приближающихся бедствий.

Распространение чумы в Британии происходило в условия ненормально сырой погоды лета и осени 1348 г. На мокрых полях остался и сгнил урожай. Первыми жертвами эпидемии стали жители г. Мелкомб (Дорсет), куда в июне 1348 г. прибыли два корабля с больными моряками из Гаскони [14, р. 146]. В июне следующего года вместе с чумой в южный Линкольншир пришло наводнение. В приморских городах шторм, сопровождавшийся сильным дождем, принес высокую волну из моря. В Хронике монастыря Семпрингхем записано: волна была столь высока, что «поднялась до капителей храма монастыря, проникла в клуатр... Были испорчены многие книги в библиотеке» (цит. по [15, р. 203]). Сходные события зафиксировал аббат бенедиктинского монастыря Св. Жилиа близ г. Турне. После долгой зимы 1349 г. с незначительными морозами пришла весна с непрерывными дождями. «Реки вышли из берегов, луга у нас стали морями, как и во Франции. Не могу с уверенностью сказать этого о других странах» (H.BD, р. 54).

Представление о грядущей болезни в первую очередь имели лица, хорошо осведомленные о ее распространении, а также о символических знаках ее пришествия. В сентябре 1347 г. из Авиньона в Брюгге ушло письмо кардинала Джованни

Колонна с предупреждением об ожидаемом пришествии чумы. В нем перечислены по аналогии с египетскими казнями неслыханные бедствия, которые постигли далекую восточную Индию в течение трех дней и в итоге которых «огонь, от которого все заволочло смрадным дымом, сошел с небес и поглотил оставшихся людей и животных» (H.BD, p. 41).

Записи современников фиксировали события, видения и монстров, которые предвещали эпидемию и сопутствовали ей. Томас Бартон, хронист аббатства Мо, поведал о Гульском «монстре» (*Hull "monster"*) – братьях-близнецах со сросшимися ногами и самостоятельно живущими телами. Когда им исполнилось 18 лет, один скончался, а другой еще три дня носил брата на руках, затем также скончался, и через короткое время после этого, заключил Т. Бартон, «началась чума» [15, p. 228]. Немецкий клирик с университетским образованием Конрад Мегенберг выдвинул предположение, что чума выплеснулась из недр земных во время землетрясения (BD, p. 38). И предположение это выглядело весьма правдоподобным на фоне случившихся в разных частях Европы колебаний земной коры. Вышеупомянутый Т. Бартон рассказал о землетрясении, которое произошло около 5 часов вечера в пятницу 27 марта 1349 г., таком сильном, что монахи на службе попадали на пол. Хронист связал это событие с «Великим мором» (BD, p. 38).

Главные надежды мирян, начиная с первой волны чумной эпидемии, были связаны с церковью и духовенством. Современники воспринимали объяснения распространения чумы, которые предлагали церковные лидеры и проповедники, дополняя их собственными представлениями. Вопреки астрологическим вычислениям ученых Парижского университета о неблагоприятном расположении планет, вызвавшем мор, церковь предпочла версию моральных причин чумы как наказания за человеческие грехи. В Послании от 26 сентября 1348 г. римский папа Климент VI (1342–1352) назвал чуму «тайным судом Божиим», а также болезнью, «которой Бог поразил христианский народ за грехи его» (H.BD, p. 41). И подобной точки зрения католическое духовенство придерживалось на протяжении всех последующих вспышек эпидемии.

В проповедях 1375 г. Рочестерского епископа Томаса Бринтона (1373–1389) о бедствиях земного существования человека содержится категорическое отрицание астрологических объяснений: «Пусть скажут те, кто приписывает эти события планетам и конstellляциям больше, чем греху, какого вида планеты правили во времена Ноя, когда Бог утопил весь мир, за исключением восьми душ, если не планеты злобы и греха?» (STB, n. 49). В проповеди 21 января 1375 г. он озвучил обширный перечень грехов, назвав англичан самыми большими грешниками (STB, n. 48). Особенно впечатляющей была его проповедь в июле 1375 г., получившая название «Будьте бдительны» по неоднократному повторению этих слов. По утверждению Т. Бринтона, грехи человеческие привели не только к чуме, но и к другим бедствиям тех дней (STB, n. 70).

Меры противодействия чуме

Помощь в наступающей эпидемии, которую могла предложить церковь, – это молебны и шествия, побуждающие к индивидуальному благочестию. Пример для подражания подал папа Климент VI, возглавивший у стен Авиньона толпу из

2 тыс. человек. В дальнейшем он неоднократно участвовал в подобных шествиях у стен Авиньонского дворца (Н.ВД, р. 42).

В Англии Йоркский архиепископ У. Зуч ранее всех прелатов отреагировал на приближающуюся чуму. Он отдал распоряжение: «Как можно скорее организовать каждую среду и пятницу процессии в кафедральных, коллегиальных и конвентуальных церквях, во всех приходских церквях нашего города и в диоцезе, а также проводить специальный молебен и проповеди на ежедневной мессе во избавление от чумы и эпидемии, за доброе здравие церкви, королевства и всего народа Англии» (Н.ВД р. 111). Очистительные и защитные массовые процессии поддержал английский король Эдуард III, просивший архиепископа Кентерберийского Дж. Стретфорда (1333–1348) организовать молебны против чумы. Как известно, архиепископу, скончавшемуся от чумы 23 августа 1348 г., не удалось исполнить королевскую просьбу. Ее исполнил приор монастыря Крайстчерч (Кентербери), направивший через епископа Лондонского указ всем главам южных диоцезов о проведении молебнов. По первому слову “*Terribilis*” («Ужасный»), которым открывалось послание, закрепилось название всех аналогичных документов (СМ). В нем указывались «неисчислимые грехи, отягощенные войнами, которые опустошили богатства королевства», излагалась просьба короля с надеждой на спасение Англии от чумы и смертей: «Служить мессы, проводить проповеди в подходящее время и в подходящем месте вместе с процессиями каждую среду и пятницу» (СМ, р. 738). Следовало также организовать раздачу «индульгенций пастве Провинции, всем, кто выполняет вышеуказанные действия; а также всем епископам добавить свои индульгенции, как это уже делается в г. Лондоне и диоцезе. Епископам письменно известить о том, какие действия они предприняли» (СМ, р. 738).

Распоряжения о раздаче индульгенций зафиксировали епископские послания в Англии. Например, епископ Эксетерский Джон Грандиссон (1327–1369) обратился к деканам Эксетерского диоцеза с напоминанием об исполнении королевской просьбы, указывая на то, что «наш Господь смягчится этими молитвами и сменит свой справедливый приговор на милость». И далее: всех благочестивых участников «мы милостиво освобождаем на 30 дней от епитимьи. <...> Требуем известить нас письменно до праздника Обрезания Господня [1 января], что было исполнено из наших указаний» (Н.ВД, р. 115). Многочисленные поощрения благочестивых шествий и молитв современные исследователи отмечают иногда с ироничной ремаркой: «Задолго до изобретения печатного станка началось массовое производство индульгенций» [7, р. 255].

Все последующие волны эпидемии сопровождала уже сложившаяся практика действий, предпринимаемых церковью. В августе 1407 г. епископ Герефордский Мэскол, как и все главы диоцезов, получил распоряжение архиепископа Кентерберийского Томаса Эрундела (1398–1414) проконтролировать во владениях кафедрального собора и приходов Герефорда мессы, молебны и шествия против многих болезней, постигших Англию в эти дни. Это послание было во всем схоже с тем, что сообщалось епископам Англии шестьдесятю годами ранее [16, р. 149].

Наряду с благочестивыми шествиями и молитвами начались поиски виновников эпидемии. Так, в воюющей Франции виновными считали англичан, в свою

очередь, в Англии подозреваемыми были французы, в Германии – евреи, которых подстерегала не только чума, но и погромы, хотя их и пытался предотвратить папа Климент VI. В июле 1348 г. он издал буллу, распространившую церковное покровительство на евреев. 26 сентября того же года последовал папский указ, предписывавший всем прелатам и духовенству предпринимать действия против любых преследований евреев. Распоряжение повторилось 1 октября с дополнительными комментариями, что ложные обвинения против евреев продиктованы исключительно желанием завладеть их богатством (Н.ВД, р. 110). Невзирая на папские указы, преследование еврейского населения продолжалось, о чем писал аббат бенедиктинского монастыря Св. Жилия: «Пришли слухи, что евреи пытаются известить христиан... Во Франции со времен короля Людовика Святого их почти не осталось. <...> Точно не знаю, что с ними стряслось в других странах, но говорят, что в Германии и остальных землях их сжигали, обезглавливали, или убивали какими-то другими способами» (Н.ВД, р. 50). В Англии расправ над еврейским населением не было зарегистрировано по причине их изгнания из страны в конце XIII в. Однако страх перед чужаками отразился на положении как отдельных личностей, так и иностранных организаций. Записи папского сборщика налогов свидетельствуют о предубеждениях против иностранцев во всех слоях социума в 70–80-е годы XIV в. (ARPC, р. 445–447). На Добром парламенте 1376 г. палата общин потребовала изгнания папского сборщика (тогда Арнальда Гарнери) из страны, а в 1377 г. – замены его англичанином (RP, v. 2, р. 338, 373). Одновременно с этим представители палаты общин в 1377, 1379 и 1380 гг. потребовали ликвидации иностранных монастырей, изгнания из Англии иноземных монахов (RP, v. 3, р. 15, 64, 96). Ликвидация таких монастырей прошла через процедуру денизации, передачу их владений английским обителям, а также распродажу собственности. К началу XV в. из 104 иностранных монастырей, по преимуществу бенедиктинского ордена, осталось только 8, признанных отечественными. Они сохранили владения, но в них полностью поменялась братия во главе с приором на английских монахов [17, с. 224]. Владения остальных были переданы другим церковным организациям и распроданы, в первую очередь епископам [18, р. 89–93].

Небольшая группа средневековых интеллектуалов пыталась понять и реалистично объяснить разрушительный характер мора. Авторы хроник из разных городов Италии считали, что чума прошла через все страны мира, начиная от Китая и Индии до европейских городов. Габриель Масис из Пьяченцы писал: «Мы, генуэзцы и венецианцы, несем ответственность... за те суда, на которых через наши порты в наши дома» пришла чума. (Н.ВД, р. 19). Итальянские врачи не только предположили, что чума имеет инфекционную природу, но и производили вскрытия трупов с разрешения муниципалитетов городов. По указу папы Климента VI в Авиньоне также производили вскрытия под руководством хирурга Ги де Шолиака. Знаменитый врач заключил, что «эта форма болезни ужасает больше всего, ибо вслед за умирающим больным незамедлительно отравляется любой, кто с ним виделся, общался, поддерживал отношения, или же нес его на погребение после смерти» (Н.ВД, р. 42). Именно Ги де Шолиак зарегистрировал и описал не только бубонную, но и септическую форму чумы, которая передавалась от человека к человеку на расстоянии до 4 метров [10, р. 317].

Поэтому даже во врачебных кругах бытовало представление о том, что болезнь может передаваться через взгляд умирающего человека (H.BD, p. 182). По подсчетам современных эпидемиологов септическая чума распространялась стремительно со скоростью до 4 км в день [10, p. 315].

Духовенство и приходы под натиском чумы

Во время первой волны эпидемии чумы было уничтожено около половины состава английского духовенства. В XV в. его численность, как считают британские исследователи, удавалось сохранять, несмотря на последующие всплески эпидемии, благодаря действиям епископов, пытавшихся сдержать сокращение приходского духовенства [16, p. 150]. Об изменении численности духовенства могут косвенно свидетельствовать официально проводимые католической церковью податные переписи приходов Англии. По самой точной переписи духовенства и приходов, получившей название «Таксация папы Николая IV» (1291), в Англии насчитывалось 9 500 приходов [17, с. 218]. Согласно данным по обложению 1377 г., по всей стране насчитывалось 9 000 приходов [2, p. 33]. Как считает английский исследователь Р. Свенсон, реальное количество приходов за 200 лет (1350–1535) сильно сократилось. По «Церковной оценке» (“*Valor ecclesiastical*”) в 1535 г. было зафиксировано не более 8 800 приходов [19, p. 4].

Существующие представления о количестве духовенства в тогдашней Англии до настоящего времени основываются на подсчетах С.Д. Рассела. В 70-е годы XIV в. владельцев бенефициев насчитывалось 8 100 человек, а клириков без бенефициев – около 16 809 человек [12, p. 178]. С.Д. Рассел полагал, что в конце XIV в. количество приходских священников разного статуса составляло около 25 тыс. человек. По мнению Р. Свенсона, накануне Реформации приходского духовенства было около 26 500 человек. Данные подсчеты производились исходя из предположения, что к 1500 г. каждый из 8 800 приходов обслуживали три клирика [19, p. 30]. Судя по данным локальных исследований, такая обобщающая цифра выглядит очень оптимистически, как и давняя рекомендация епископа Р. Гроссетеста, жившего в XIII в., чтобы у каждого священника было по два помощника на приходе [20, с. 25]. В современной медиевистике сложилось мнение, что С.Д. Рассел преувеличил количество духовенства без бенефициев. Скорее всего, с учетом собираемой с духовенства в 1406 г. субсидии клириков без бенефициев было столько же, если не меньше, чем с бенефициями [13, p. 112]. Такое положение, как мы считаем, можно подтвердить общеизвестным фактом, что один и тот же клирик мог работать по найму одновременно в нескольких приходах и часовнях, особенно в период «Великого мора» с его острым недостатком наемных работников, не исключая и клириков.

Как отметил Б. Кюмин, Англия была страной небольших приходских общин, в среднем насчитывавших около 300 человек [21, p. 18]. Монастыри, как и приходы, уменьшились в размерах в результате эпидемии. Об этом писали северные монастырские хроники, фиксировавшие большие потери в рядах духовенства, как, например, в цистерцианском монастыре Лаут-Парк, где скончался аббат и большая часть братии (BD, p. 188]. В хронике еще одного цистерцианского аббатства Мо в Восточном Ридинге (Йоркшир) зафиксировано, что в первую волну чумы умер аббат Хью и 22 монаха из 42, все конверзы скончались в течение

августа 1349 г. (H.BD, p. 68). По окончании чумы в монастыре в живых осталось 10 монахов. Умерло большинство держателей монастырских земель. Монастырь остался с большой задолженностью и без запасов от урожая того года (H.BD, p. 66).

Публикации королевских лицензий, а также счета папских сборщиков налогов свидетельствуют, что к концу XIV в. упрочилась редко применявшаяся в начале столетия практика обмена приходами и даже торговли бенефициями [20, с. 65]. Часть приходов, апроприированных или потерявших самостоятельность, перешла в руки монастырей. С 1350 г. по 1399 г., по нашим подсчетам, монастыри Англии получили королевские лицензии и стали собственниками 325 апроприированных приходских церквей и часовен, в которых они формально стали коллективными ректорами [17, с. 219].

Благотворительность и благочестие мирян и духовенства

События чумных эпидемий, как считают медиевисты, открыли путь к выражению глубоких религиозных чувств мирян и духовенства. Развитию благочестия способствовали церковные деятели, особенно в северной Англии. Под покровительством архиепископа Дж. Форсби в Йоркшире со второй половины XIV в. получила распространение благочестивая литература [22, p. 62]. С одной стороны, для приходского духовенства были созданы мануалы и пособия, как, например, «Зерцало жизни» Уильяма Нессингдона (середина XIV в.), находившегося на службе у Эксетерского епископа Дж. Грандиссона [23, p. 324]. С другой стороны, по поручению архиепископа Дж. Форсби монах аббатства Св. Марии (Йорк) Гейтрик составил для мирян «Катехизис простолюдина», который широко использовался вплоть до Реформации [19, p. 60].

Результатом дальнейшего развития идеи чистилища и благочестия мирян стало новое понимание индульгенций. После 1350 г. они превратились в доступную награду любому человеку за широкий круг добрых деяний: паломничество; финансовые вложения в мессы, строительство и ремонт церквей; благотворительность и поддержка несчастных одиноких людей [7, p. 255]. Существующие в системе приходов гильдии, созданные состоятельными мирянами, традиционно брали на себя благотворительные функции. В Лондоне около 1380 г. зафиксирована раздача беднякам еженедельно милостыни из милосердия в размере от 6 до 14 пенсов [24, p. 307]. Указывая на многочисленные небольшие вклады, исследователи считают их свидетельством массовой благотворительности. За год на поддержку госпиталей в Лондоне собирали до 500 фунтов. Эта сумма складывалась из 30 000 пожертвований [7, p. 255].

В ведении церкви традиционно находились госпитали, выполнявшие функции больниц, также они занимались благотворительностью, оказывая помощь паломникам, бедным, больным и умирающим мирянам. Однако проблема ухода за больными чумой всегда оставалась острой. Как считает Н. Бульст, в период «Черной смерти» крайне редко вводили карантин из-за сложностей с его поддержанием и не строили специальных больниц [25, с. 159]. Заметим, что в Англии практики карантина не существовало до XVI в., а с введением его сроки были урезаны с 40 до 30 дней, что с медицинской точки зрения было неэффективно [10, p. 315].

В отношении к заболевшим чумой преобладал религиозный аспект, как и к любым другим больным, которым следовало спасти вначале душу и только потом тело. В ходе эпидемии возникали братства, чья деятельность, очевидно, была связана со спасением душ своих членов, как, например, в гильдии Корпуса Кристи, основанной в 1349 г. тремя лондонцами. Гильдия должна была обеспечивать «на время своей жизни» приходскую церковь горящими свечами в память всех усопших от чумы [24, р. 308]. Многие другие аскетичные группы основывали часовни в приходских церквях, подчеркивая тем самым свою связь с соседями и односельчанами [19, р. 120].

С началом эпидемии церковь повсеместно столкнулась с проблемой захоронений большого количества одновременно умиравших людей. В эпоху «Черной смерти» появились кладбища с новой, вынужденной моделью захоронения в виде «чумных ям» или «братских могил». Столкновения церкви с земельными собственниками и общинами в Англии по поводу обустройства такого кладбища в ряде случаев были весьма острыми. Наглядным примером является конфликт горожан Винчестера и кафедрального собора, возникший в результате открытия городского кладбища в середине XIV в. Кафедральный собор Винчестера, как следует из жалобы мэра и городского совета, незаконно завладел большим участком земли, где искони организовывались городские ярмарки. Как свидетельствуют документы королевской канцелярии, толчком к противостоянию стало вооруженное нападение группы горожан на похоронную процессию клириков на новом кладбище (CPR, р. 425–426). Неоднородные факты борьбы за землю под кладбища привели к изданию статута 1391 г., запретившего создание новых кладбищ путем захвата земли без ведома верховного собственника (SR, р. 79). Обычно в городах Англии использовались старые кладбища, на которых располагались «чумные ямы». Например, в Фарингтоне (Лондон) кладбищем пользовались с 1270 г. и по XVII век. Последние находки английских археологов внесли уточнения относительно экстраординарной формы погребений в виде «братских могил», которые традиционно связывались с практикой городского населения [26, р. 180]. Однако подобные могилы были обнаружены и в сельской Англии. В северном Ланкашире исследование госпитального кладбища вне стен аббатства Торнтон засвидетельствовало катастрофически высокую смертность населения местного прихода [26, р. 189]. Исследованные захоронения косвенно отражают умонастроения общества в период повторяющихся эпидемий чумы XIV – XV вв. Значительное место в эсхатологии средневекового общества занимала «хорошая смерть», которую символизировало индивидуальное погребение. Даже в период «Черной смерти» такой вид погребения был предпочтительным, а в случаях массовых захоронений соблюдался определенный порядок с дистанцированием останков умерших людей [26]. Церковь рассматривала массовые захоронения как вынужденную и временную меру. Йоркский архиепископ Дж. Форсби укорял горожан Фулфорда за то, что они продолжали использовать временное кладбище в Сент-Освальде долгое время по окончании «Черной смерти» [27, р. 140].

Заключение

На основе анализа общественной роли католической церкви и духовенства Англии в период эпидемий чумы Позднего Средневековья могут быть сделаны следующие выводы.

Во-первых, основные черты приходской организации и церковных служб в Англии не претерпели изменений после «Черной смерти».

Во-вторых, рассматривая спорную проблему изменения численности английского белого духовенства, мы пришли к заключению о его уменьшении за счет сокращения количества приходских священников. Об этом свидетельствуют данные по ликвидации более чем 500 приходов Англии в течение Позднего Средневековья в результате высокой смертности среди мирского населения.

В-третьих, по нашим подсчетам, более 300 приходов потеряли самостоятельность и перешли под управление монастырей, понизив тем самым статус и доходы главы прихода с ректора до викария.

В-четвертых, восприятие современниками событий эпидемии обуславливала система символов, что проявилось даже в высших эшелонах церковной власти. Однако католическая церковь и духовенство категорически отрицали астрологические объяснения причин возникновения и распространения чумы, утверждая этический контекст постигших Британию бедствий.

В-пятых, церковь настойчиво проводила политику морального оздоровления общества, считая личное благочестие и благотворительность главной мерой противодействия чуме. Поощрением мирян служили индульгенции, получившие широкое хождение в католическом мире именно после «Черной смерти».

Наконец, отметим попытку католической церкви (хотя и недостаточно активную) воздействовать на сохранение межконфессионального мира. Однако данная проблема требует специального исследования в силу традиционных максимумов о репрессивной политике средневекового католицизма. Распространение чумы ассоциировалось не только с иудеями, но вообще со всеми, кто не принадлежал к локальным сообществам. Опираясь на ранее проведенные нами исследования, мы сделали вывод о возможной связи роспуска и денизации иностранных монастырей не только с государственной политикой Англии, но и с представлениями о «чужом», который может быть повинен в распространении болезни. Согласимся с наблюдениями современных британских исследователей локальной истории средневековой Англии, что эпидемии чумы по-разному отразились на демографии не только регионов, но и отдельных приходов. Данный вывод позволяет убрать противостояние однозначных оценок последствий чумы как катастрофы или, напротив, как заболевания, которое не причинило значительного ущерба обществу.

Источники

H.BD – *The Black Death* / Transl. and ed. by R. Horrox. – Manchester; N. Y.: Manchester Univ. Press, 1994. – 353 p.

BD – *The Black Death: The Great Mortality of 1348–1350. A Brief History with Documents* / J. Alberth. – Boston: Bedford/St. Martin's, 2005. – 199 p.

- CM – Concilia Magnae Britanniae et Hiberniae ab anno 1268 ad 1534. – Londini: Sumptibus R. Gosling, F. Gyle, T. Woodward et. C. Davis, 1737. – V. 3. – 926 p.
- RP – Rotuli Parliamentorum: ut et Petitiones et Placita in Parlamento, 1278–1503. – Londini: s.n., 1767. – V. 2. – 463 p.; V. 3. – 674 p.
- SR – Statutes of the Realm, 1101–1703: 2 v. – London: Dawsons of Pall Mall, 1810. – V. 1. – 435 p.
- ARPC – Accounts Rendered by Papal Collectors in England, 1317–1378 / Transcr. with annotations and introduction by W.E. Lunt; ed. by E.B. Graves. – Philadelphia: Am. Philos. Soc., 1968. – 579 p.
- STB – The Sermons of Thomas Brinton, Bishop of Rochester (1373–1389) / Ed. by M.A. Delvin. – London: R. Hist. Soc., 1954. – V. 1. – 287 p.
- CPR – Calendar of the Patent Rolls of the Reign of Edward III. – London: H.M.S.O., 1891. – V. 8. – 832 p.

Литература

1. Барз М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной средневековедения. – М.: Наука, 1973. – 230 с.
2. Postan M.M. The Medieval Economy and Society. An Economic History of Britain in the Middle Ages. – Harmondsworth: Penguin Books, 1976. – 296 p.
3. Rigby S.H. Introduction: Social structure and economic change in late medieval England // A Social History of England, 1200–1500. – N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2006. – P. 1–30.
4. Cantor N.F. In the Wake of the Plague: The Black Death and the World It Made. – N. Y.: Simon & Schuster, 2015. – 256 p.
5. Баччи М.Л. Демографическая история Европы. – СПб.: Александрия, 2010. – 304 с.
6. Poos L.R. Plague mortality and demographic depression in later medieval England // Yale J. Biol. Med. – 1981. – V. 54, No 3. – P. 227–234.
7. Kowaleski M. A consumer economy // A Social History of England, 1200–1500 / Ed. by R. Horrox, W.M. Ormrod. – N. Y.; London: Cambridge Univ. Press, 2006. – P. 238–259.
8. Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 304 с.
9. Green M.H. Pandemic disease in the medieval world: Rethinking the Black Death // The Medieval Globe. – Kalamazoo; Bradford: Arc Medieval Press, 2014. – V. 1. – P. 9–27.
10. Duncan C.J. What caused the Black Death? // Postgrad. Med. J. – 2005. – V. 81. – P. 315–320. – doi: 10.1136/pgmj.2004.024075.
11. Бергер Е.Е., Уваров П.Ю. Болезни, грехи и врачи // Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV – XVI вв.: Сб. документов / Под ред. Е.Е. Бергер, П.Ю. Уварова. – М.: ИВИ РАН, 2020. – С. 7–23. (Приложение к журналу «Средние века». Вып. 11)
12. Russell S.J. The clerical population in medieval England // Tradition. – 1944. – V. 2. – P. 177–212.
13. Sun J. The clergy of the diocese of Hereford in the Later Middle ages: PhD Thesis. – Birmingham: Univ. of Birmingham, 2015. – 573 p. – URL: <http://etheses.bham.ac.uk/6161/1/Sun15PhD.pdf>, свободный.
14. Weale C.A. Patronage priest and parish in the archdeaconry of Huntingdon 1109–1547: PhD Thesis. – London: Middlesex Univ., 1996. – 367 p. – URL: <http://eprints.mdx.ac.uk/13500/>, свободный.

15. *Gummer B.* The Scourging Angel. The Black Death in the British Isles. – London: Vintage books, 2010. – 512 p.
16. *Dohar W.J.* The Black Death and Pastoral Leadership. The Diocese of Hereford in the Fourteenth Century. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1994. – 192 p.
17. *Леонова Т.А.* Собственность и доходы английской церкви во второй половине XIV в. // Средние века: Сборник. – М.: Наука, 1985. – Вып. 48. – С. 214–232.
18. *Knowles D.D.* The Religious Houses in Medieval England. – London: Sheed & Ward, 1940. – 167 p.
19. *Swanson R.N.* Religion and Devotion in Europe c. 1215–1515. – N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2004. – 378 p.
20. *Леонова Т.А.* Земное и Небесное. Повседневная жизнь католического прихода Средневековья. – Уфа: Инеш, 2017. – 224 с.
21. *Kümin B.A.* The English parish in a European perspective // The Parish in English Life: 1400–1600 / Ed. by K. French, G. Gibbs, B. Kümin. – Manchester; N. Y.: Manchester Univ. Press, 1997. – P. 15–32.
22. *Taubman A.W.* Clergy and commoners: Interactions between medieval clergy and laity in a regional context: PhD Thesis. – York: Univ. of York, Cent. Medieval Stud., 2009. – 283 p. – URL: http://etheses.whiterose.ac.uk/791/1/Thesis_Final.pdf, свободный.
23. *Thomas H.M.* The Secular Clergy in England, 1066–1216. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2014. – xi, 422 p. – doi: 10.1093/acprof:oso/9780198702566.001.0001.
24. *Duffy E.* Religious belief // A Social History of England 1200–1500 / Ed. by R. Horrox, W.M. Ormrod. – N. Y.; London: Cambridge Univ. Press, 2006. – P. 293–339.
25. *Бульст Н.* Почитание святых во время чумы: Социальные и религиозные последствия эпидемии чумы в Позднее Средневековье // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 2000. – С. 152–185.
26. *Willmot H.T., Townend P., Mahoney S.D., Poinar H., Eaton K., Klunk J.* A Black Death mass grave at Thornton Abbey: The discovery and examination of a fourteenth-century rural catastrophe // *Antiquity*. – 2020. – V. 94, No 373. – P. 179–196. – doi: 10.15184/aqy.2019.213.
27. *Hughes J.* Pastor and Visionaries. Religion and Secular Life in Late Medieval Yorkshire. – Rochester; Woodbridge: Boydell Press, 2002. – 419 p.

Поступила в редакцию
18.04.2022

Леонова Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и культурного наследия

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ул. Октябрьской революции, д. За, г. Уфа, 450000, Россия
E-mail: leonotan@mail.ru

Шутелева Ия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры права и обществознания

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ул. Октябрьской революции, д. За, г. Уфа, 450000, Россия
E-mail: shutelevai@gmail.com

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.147-160

**The Catholic Clergy of England in the Conditions
of Plague Epidemics during the 14th–15th Centuries**

T.A. Leonova*, I.A. Shuteleva**

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, 450000 Russia

E-mail: *leonotan@mail.ru, **shutelevai@gmail.com

Received April 18, 2022

Abstract

This article discusses the social role played by the clergy and the Catholic Church in England during the plague epidemics of the late Middle Ages. The commonly held viewpoints of modern medieval researchers on assessing the phenomenon and consequences of plague epidemics in Europe are presented. It is shown that the population of the parishes of England, including the parish clergy, is the least studied social sphere of that period. The contemporaries perceived the events of the epidemic through a system of symbols that denoted the inevitability of a catastrophe for nature and society. The possible influence of the ideas about the alien in the liquidation of foreign monasteries, traditionally seen as resulting from the anti-papal sentiments in England, is considered using an interdisciplinary approach. The results obtained reveal that any astrological explanations for the plague were categorically denied in the highest echelons of church power. The ethical context of the disasters that befell was widely approved. Hence, the Church tried to morally improve the society to counteract the plague. The conclusion is made that the repeated plague epidemics caused substantial changes in the demographics of the late medieval population, including the parish clergy, which is evidenced by the reduction of at least 500 parishes in England. Based on the ethical explanation of the epidemics nature, the Catholic Church considered charity an important factor in rallying society and resisting the plague.

Keywords: Medieval England, plague epidemic, Catholic Church, English clergy, parish, laity, devotion, charity

References

1. Barg M.A. *Problemy sotsial'noi istorii v osveshchenii sovremennoi zapadnoi medievistiki* [Problems of Social History as Shown by Modern Western Medieval Studies]. Moscow, Nauka, 1973. 230 p. (In Russian)
2. Postan M.M. *The Medieval Economy and Society. An Economic History of Britain in the Middle Ages*. Harmondsworth, Penguin Books, 1976. 296 p.
3. Rigby S.H. Introduction: Social structure and economic change in late medieval England. In: *A Social History of England, 1200–1500*. New York, Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 1–30.
4. Cantor N.F. *In the Wake of the Plague: The Black Death and the World It Made*. New York, Simon & Schuster, 2015. 256 p.
5. Bacci M.L. *Demograficheskaya istoriya Evropy* [European Demographic History]. St. Petersburg, Aleksandriya, 2010. 304 p. (In Russian)
6. Poos L.R. Plague mortality and demographic depression in later medieval England. *Yale Journal of Biology and Medicine*, 1981, vol. 54, no. 3, pp. 227–234.
7. Kowaleski M. A consumer economy. In: *A Social History of England, 1200–1500*. Horrox R., Ormrod W.M. (Eds.). New York, London, Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 238–259.
8. Khaidarov T.F. *Epokha "Chernoi smerti" v Zolotoi Orde i privileyushchikh regionakh (konets XIII – pervaya polovina XV vv.)* [The Black-Death Period in the Golden Horde and Adjacent Regions (Late

- 13th–First Half of the 15th Century)]. Kazan, Inst. Ist. im. Sh. Mardzhani Akad. Nauk RT, 2018. 304 p. (In Russian)
9. Green M.H. Pandemic disease in the medieval world: Rethinking the Black Death. In: *The Medieval Globe*. Vol. 1. Kalamazoo, Bradford, Arc Medieval Press, 2014, pp. 9–27.
 10. Duncan C.J. What caused the Black Death? *Postgraduate Medical Journal*, 2005, vol. 81, pp. 315–320. doi: 10.1136/pgmj.2004.024075.
 11. Berger E.E., Uvarov P.Yu. Diseases, sins, and doctors. In: *Kazn' Gospodnya. Epidemii v Evrope XIV – XVI vv.: Sb. dokumentov* [The God's Plague. Epidemics in Europe during the 14th–16th Centuries: A Collection of Documents]. Berger E.E., Uvarov P.Yu. (Eds.). Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2020, pp. 7–23. *Srednie Veka*, suppl., no. 11. (In Russian)
 12. Russell S.J. The clerical population in medieval England. *Tradition*, 1944, vol. 2, pp. 177–212.
 13. Sun J. The clergy of the diocese of Hereford in the later Middle ages. *PhD Thesis*. Birmingham, Univ. of Birmingham, 2015. 573 p. Available at: <http://etheses.bham.ac.uk/6161/1/Sun15PhD.pdf>.
 14. Weale C.A. Patronage priest and parish in the archdeaconry of Huntingdon 1109–1547. *PhD Thesis*. London, Middlesex Univ., 1996. 367 p. Available at: <http://eprints.mdx.ac.uk/13500/>.
 15. Gummer B. *The Scourging Angel. The Black Death in the British Isles*. London, Vintage Books, 2010. 512 p.
 16. Dohar W.J. *The Black Death and Pastoral Leadership. The Diocese of Hereford in the Fourteenth Century*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 1994. 192 p.
 17. Leonova T.A. The property and income of the English Church in the second half of the 14 century. *Srednie Veka: Sbornik* [Middle Ages: A Collection of Articles]. Moscow, Nauka, 1985, no. 48, pp. 214–232. (In Russian)
 18. Knowles D.D. *The Religious Houses in Medieval England*. London, Sheed & Ward, 1940. 167 p.
 19. Swanson R.N. *Religion and Devotion in Europe c. 1215–1515*. New York, Cambridge Univ. Press, 2004. 378 p.
 20. Leonova T.A. *Zemnoe i Nebesnoe. Povsednevnyaya zhizn' katolicheskogo prikhoda Srednevekov'ya* [Earthly and Heavenly. The Everyday Life of a Medieval Catholic Parish]. Ufa, Inesh, 2017. 224 p. (In Russian)
 21. Kümin B.A. The English parish in a European perspective. In: French K., Gibbs G., Kümin B. (Eds.) *The Parish in English Life: 1400–1600*. Manchester, New York, Manchester Univ. Press, 1997, pp. 15–32.
 22. Taubman A.W. Clergy and commoners: Interactions between medieval clergy and laity in a regional context. *PhD Thesis*. York, Univ. of York, Cent. Medieval Stud., 2009. 283 p. Available at: http://etheses.whiterose.ac.uk/791/1/Thesis_Final.pdf.
 23. Thomas H.M. *The Secular Clergy in England, 1066–1216*. New York, Oxford Univ. Press, 2014. xi, 422 p. doi: 10.1093/acprof:oso/9780198702566.001.0001.
 24. Duffy E. Religious belief. In: Horrox R., Ormrod W.M. (Eds.) *A Social History of England 1200–1500*. New York, London, Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 293–339.
 25. Bulst N. Veneration of Saints during the plague: Social and religious consequences of the plague epidemic in the late Middle Ages. In: *Odissei. Chelovek v istorii* [Odysseus. The Man in History]. Moscow, Nauka, 2000, pp. 152–185. (In Russian)
 26. Willmot H.T., Townend P., Mahoney S.D., Poinar H., Eaton K., Klunk J. A Black Death mass grave at Thornton Abbey: The discovery and examination of a fourteenth-century rural catastrophe. *Antiquity*, 2020, vol. 94, no. 373, pp. 179–196. doi: 10.15184/aqy.2019.213.
 27. Hughes J. *Pastor and Visionaries. Religion and Secular Life in Late Medieval Yorkshire*. Rochester, Woodbridge, Boydell Press, 2002. 419 p.

Для цитирования: Леонова Т.А., Шутелева И.А. Католическое духовенство Англии в условиях эпидемий чумы XIV – XV веков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 3. – С. 147–160. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.147-160.

For citation: Leonova T.A., Shuteleva I.A. The Catholic clergy of England in the conditions of plague epidemics during the 14th–15th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 3, pp. 147–160. doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.147-160. (In Russian)